Елена Доброва

ОРМУАРШУРАШУ

Елена Доброва

ОРМУАРШУРАШУ

«Пробел-2000»

2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Доброва Е. А.

ОРМУАРШУРАШУ / Е. А. Доброва — «Пробел-2000», 2017

ISBN 978-5-98604-627-3

Избранность, слава и все заслуги ничего не значат, когда про них никто не знает. Он оказался на равнине в плачевном состоянии, и в таком же положении был бы любой на его месте – неважно, кем он был там. Камню все равно, чья нога сломалась, ударившись об него.

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-98604-627-3

© Доброва Е. А., 2017
© Пробел-2000, 2017

Содержание

«ОРМУАРШУРАШУ» 6
РАУАЛУДМЬРТРЫ 12
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Елена Александровна Доброва
ОРМУАРШУРАШУ

© Доброва Е.А., текст, 2017
© Суслина А.Л., оформление

* * *

Сейчас уже не имеет значения, по какому поводу мы с моим другом, известным профессором-психиатром, Виктором Маркушев договорились встретиться. Когда я пришел в кафе, где мы обычно обедали, он был настолько увлечен чтением какой-то книги, что даже не оторвался, когда я сел напротив него. Наконец, он дочитал страницу и посмотрел на меня.

– Извини, но очень хочется скорее дойти до финала. А затем я попрошу тебя ее прочесть. И тогда обсудим.

– А что за книга? – поинтересовался я.

– Она не совсем обычная, – сказал Виктор. – Знаешь художника Даниэля Барова?

Я поднапрягся. Но это имя мне ничего не говорило.

– Ну, это такой художник, который рисует портреты всяких чиновников и замысловатые пейзажи. Но дело не в этом. Несколько лет назад с ним произошла любопытная история, и он обращался ко мне за консультацией. Поэтому я в курсе. А потом он с одним из своих приятелей решил написать обо всем книгу. Они не пожалели средств, издание роскошное, как видишь. Но тираж не просуществовал и двух часов.

– Раскупили?

– Нет, он был изъят. Весь тираж.

– Почему? – удивился я.

– А почему – мы поговорим, когда ты сам ее почитаешь. Разошлось только несколько экземпляров, в этом смысле мне повезло. Поэтому если эта книжка потеряется, мы ее не восстановим. Так что читай аккуратно и не бросай, где попало. Не потому, что она мне очень дорога, а просто там есть несколько моментов, которые стоят того, чтобы их обсудить.

Через пару дней книга «Ормуаршурашу» попала ко мне в руки, и я начал ее читать.

«ОРМУАРШУРАШУ»

Гуляющая публика представляла любопытное зрелище. Два встречных потока людей, все делают вид, что просто прогуливаются, но глазами выискивают кого-то, с кем можно переброситься парой слов, чтобы хождение приобрело хоть какой-то смысл и видимость цели.

Завязывается разговор, пестрящий известными именами, это привлекает слушателей. И вот уже образовался кружок, где все *как бы* знакомы с действующими лицами. Они многозначительно кивают, показывая всем своим видом, что хорошо понимают подтекст. В конце истории раздается взрыв смеха, который объединяет участников этого сиюминутного кружка в иллюзорный «свой круг».

Взрывы смеха раздаются то тут, то там, создавая у остальных гуляющих завистливое впечатление бурного веселья. Некоторые пристраиваются вторым кругом за спинами смеющихся, и хотя мало кто из них понимает, над чем надо смеяться, они, соблюдая субординацию, тоже смеются поддакивающим смехом, мимикрируя под *причастных* и создавая себе возможность дальнейшей *канализации* потребленного сюжета.

Длинный коридор в виде буквы «г», собственно говоря, и был предназначен для праздного гуляния. Когда-то это был просто переход из одного крыла здания в другое, но после существенного ремонта он превратился в коридор для прогулок и получил название «галерея», а здание стало модным клубом, который, переменив пару вывесок, в конце концов тоже стал «Галереей», потому что все только так и говорили «встретимся в Галерее», «вчера в Галерее», и т. д.

Значительную часть публики составляла зеленая молодежь, девочки и мальчики, получающие от родителей к окончанию школы *предпоследний* мерседес «пусть пока поездит на предпоследнем». Знакомясь друг с другом, эти дети спрашивали не «как тебя зовут?», а «на чем ты ездишь?», соблюдая таким образом правила неписаной иерархии среднего класса.

К зеленой молодежи примыкала зрелая молодежь, которая в свои двадцать пять – тридцать лет уже прочно освоила посты генеральных, финансовых, исполнительных и прочих директоров в дочерних филиалах компаний своих отцов. В эту однородную массу пестро вкраплялись молодые шоумены: телеведущие ночных музыкальных программ; певцы и певицы, прославившиеся исполнением песни в сериале; актеры и актрисы, знакомые по рекламе или незнакомые, но снявшиеся в эпизоде у модного режиссера.

Среди посетителей «Галереи» были и гости старшего поколения: *известные* журналисты, *маститые* критики, *видные* адвокаты, участвовавшие в ряде *громких процессов,* иногда – какой-нибудь некрупный олигарх, чье имя было на слуху благодаря неопасным для жизни скандалам; его любовница, она же победительница конкурса танцев, песни или владелица тонкого глянца – в зависимости от того, что ей хотелось – короче говоря, представители *элит.* Для этой публики гулянье по галерее было несолидным делом. *Персоны* облюбовали себе бар на цокольном этаже, где можно было разнообразно отвлечься от своих дел, дум, творческих мук и Муз.

Был в клубе еще один разряд посетителей – так называемая массовка, завсегдатаи, чьи лица вроде бы примелькались всем, но никто не знал, кто они, что они и откуда, *«Кто это подходил? – Да понятия не имею»!* Массовка и *персоны* были взаимно необходимы друг другу – одной стороне для тщеславия, а другой – для фона, на котором они могли проявлять свое превосходство.

* * *

Художник Даниэль Баров, известный как автор портретов чиновников, бизнесменов и прочих *личностей,* посмотрел на часы и уселся в одно из кресел, расставленных вдоль стены галереи. Официант поставил перед ним на невысокий столик бокал с коктейлем «в подарок от заведения». *Черт, я же за рулем!* – с досадой произнес Даниэль, сделав глоток.

Популярность в упомянутых кругах сделала художника весьма состоятельным, что в сочетании с привлекательной внешностью – как написала одна из его поклонниц, поэтесса, «просто вылитый Хью Грант, только лучший вариант» – создавало эффект притягательного мужского обаяния.

Женщины роились вокруг него, стараясь, чтобы его пристальный взгляд хоть на миг выделил их из толпы. Многие его заказчицы становились заказчицами только для того, чтобы сблизиться с ним. Он отвечал женщинам неисчислимой взаимностью. Правда, после двадцати лет пребывания на богемном Олимпе он иногда стал ощущать некоторую разочарованность: все манящее, новое и неизвестное при ближайшем рассмотрении оказывалось таким одинаковым и предсказуемым, словно было вырезано по единому трафарету.

В свои сорок семь, нерасполневший и подтянутый, он обычно легко входил в контакт с молодежью, упругим скачком преодолевая возрастной барьер.

Но почему-то сегодня «тусовка» в Галерее вызвала у него раздражение: «Мошкара. Глупые, самонадеянные. Все у них «гениально»! Тужатся-пыжатся друг перед другом, им еще все это *не надоело*».

Возможно, такая реакция была тенью ревности – он вдруг приревновал жизнь к этим юнцам, к их будущим успехам. Но это ощущение было мимолетным. Он знал, что сейчас *его время* в самом разгаре, что стоит ему взглянуть… Кстати, одна девица из этой компании… он представил ее позирующей – руку наверх за голову, бедро выгнуто… потом на кушетке., потом он садится рядом… и она говорит…ох, *да что она может сказать-то?… нет, не буду.* Девица спиной почувствовала взгляд и обернулась. Увидела его. Глаза ее округлились, брови поднялись. Она тут же отделилась от своей группки, стараясь не потянуть за собой других – ведь это ей выпал шанс.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте – он улыбнулся своей знаменитой легкой улыбкой. – Мы знакомы?

– Нет, но я всегда мечтала с вами познакомиться!

– А вы знаете, кто я?

– Ну кто ж не знает! Вы – Даниэль Баров! А я вас видела здесь… там… внизу.

– Да, я там часто бываю со своим друзьями. А вас зовут… постойте, я попробую угадать… *Ира ксюша даша настя…* Ксюша!

– Да!!! Как вы…

– Сам не знаю. Почувствовал. Так бывает. Ксюша *ирочка дашенька настенька,* вам тут нравится?

– Да, очень!

– А мне – нет. Давайте удерем отсюда!

– Как?!

– А очень просто! Возьмем и убежим!

– Куда?!

– Ну, куда хотите! Я подумал, что у вас – можно «на ты?» – у тебя изумительное лицо. Я хотел бы написать твой портрет. Я давно ищу такое лицо. Такие глаза, улыбку. Ну что, поедем?

– Да… но только…

– Ты тут с кем-то?

– Да. Я только предупрежу…

– И с кем же?

– Я с подругой и еще с одним молодым человеком.

– А нужно ли им говорить? Скажешь потом, что я тебя выкрал.

– Я просто скажу, чтоб они меня не ждали. Я быстро.

– Хорошо. Давай так – тебе двадцати минут хватит?

– Да, конечно.

– Мне тут должны позвонить. Я жду звонка. Давай через двадцать минут ты приходишь сюда. Договорились?

– Да, договорились!

– Ну, иди! И знай, я уже скучаю по тебе! Я жду!

Ксюша-ира-настя-даша полетела предупреждать своих.

В это время зазвонил мобильный. Даниэль Баров действительно ждал звонка.

– Алло! Да-да! Конечно, как договорились. Я сейчас в клубе. Нет, домой не буду заезжать, у меня все в машине. Только вот что, одна проблема. Я тут выпил немного, меня угостили, и неудобно было отказаться. Да. Я теперь не сажусь за руль после спиртного. Отлично. Через пять минут у бокового выхода. Синий БМВ? Все. До встречи.

Через пятнадцать минут ира-даша-ксюша с раскрасневшимися щеками прибежала к назначенному месту. Она обескураженно остановилась, оглядываясь по сторонам, но знаменитого художника нигде не было видно. Она решила подождать, но ни через пять, ни через десять минут он не появился. Никаких следов его недавнего пребывания в этом кресле! Хотя нет, бокал-то вроде его…

Девушка, в недоумении прождав еще какое-то время, произнесла вслух: «А-аблом». Ее лицо сейчас могло бы представить интерес для психолога, изучающего соответствие мимики настроению. Мышцы лица, отвечающие за радостное ожидание, на глазах расслаблялись, а другие приводились в действие, придавая только что оживленному лицу выражение досады и разочарования. Взгляд ее медленно терял яркость, как люстра в зрительном зале после окончания представления. Она пожала плечами и, ежесекундно оглядываясь, направилась опять к своим – доказывать, что ей все это не приснилось. Окончательно смирившись с непонятной неудачей, она последний раз обернулась – никого. Только на низком столе возле кресла по-прежнему стоял стакан с недопитым коктейлем.

* * *

Первыми новость озвучил один из центральных каналов телевидения, после чего она стала с неимоверной скоростью распространяться, заполняя, словно дым, все уголки отечественного информационного космоса. На какое-то время сообщение об исчезновении художника Даниэля Барова стало самым обсуждаемым событием, потеснив остальные горячие темы.

Сначала, правда, не все приняли эту новость всерьез. Особенно скептически ее комментировали ближайшие приятели Барова.

– Как вам новая выходка Даниэля?

– Да, в его духе!

– Как ее зовут, интересно?

– Где он ее подцепил?

– Похоже, он сам подцепился. Ничего, скоро все узнаем!

– А с этой, он, что ли, расстался?

– С Алиной? Насколько я знаю, не собирался. Но боюсь, теперь у него будут проблемы. Она девушка скандальная.

– Знаешь, скандальная – но не дура. Будет орать – все потеряет. Она ему не жена.

– Но куда он все-таки делся-то?

– Где-то отсыпается. Не первый, не последний. Помнишь, он сказал, что у него важная встреча, а сам улетел на Канары. Я потом говорю ему – что ж ты тут плел про встречу. А он говорит – «я ничего не плел. У меня была встреча на Канарах». Главное, через день он уже был здесь. Вот так. Раз – и на Канары, на денек.

– Пиарщик, сукин сын!

– Вот-вот! Так что, подождем. Скоро объявится!

Однако проходили дни. А пиарщик не объявлялся. Более того. Как бы ни был он увлечен очередной любовью, но не в его характере и главное, не в его интересах было приносить в жертву этим отношениям свои деловые связи – контракты, обязательства, встречи и замыслы. А в данном случае имело место то, чего ни при каких обстоятельствах он себе раньше не позволял – без всяких предупреждений, объяснений и извинений были сорваны сеансы весьма солидных персон, заказавших ему портреты. Не были выкуплены отобранные рамы для уже готовых работ, которые в назначенный срок должны были быть отданы специально приехавшим из других городов представителям заказчиков – отнюдь не последних людей в мире бизнеса. Не состоялись и более мелкие дела, которые тоже требовали бережного обращения – телефонные звонки, переговоры, участие в ток-шоу, телеинтервью, присутствие на заседаниях различных комиссий, награждение мальчика, выигравшего конкурс «Городской пейзаж глазами подростка» – ну и так далее.

Со слов его секретаря Марины стало известно, что последний раз Даниэль Баров разговаривал с ней вечером три дня назад. Дал ей несколько поручений, свидетельствующих о том, что он собирался в конце недели быть в Москве и никакие долгосрочные поездки не планировал. Но с тех самых пор он не звонил и никак не давал о себе знать, и это заставляло Марину сильно тревожиться. Последняя пассия Барова, называвшая себя его гражданской женой, была сначала в гневе и ярости, поскольку хорошо знала характер Барова и его способность терять голову от очередного знакомства. Она не допускала, что могло произойти что-то плохое, полагая, что если бы с ним что-нибудь случилось, то, конечно, об этом тут же стало бы известно. Но по настоянию Марины она все же обратилась в милицию с заявлением о пропаже человека. Однако расширенный поиск по больницам Москвы и Подмосковья не дал результатов.

Новая волна сообщений об исчезновении Даниэля Барова прошла по СМИ, когда обнаружили, что в его гараже не хватает нового мерседеса. Тут же возникла версия о разбойном нападении на него неких лиц, далеких от культуры и не знающих, на кого они подняли руку. Эта версия вполне серьезно обсуждалась, поскольку были прецеденты, когда известных людей в престижных иномарках останавливали на пустынных шоссе, силой заставляли выйти из машины, избивали, а затем, оставив их на обочине, угоняли машину в неизвестном направлении. Но в данном случае особую тревогу вызывало то, что пострадавший до сих пор не найден. Если травмы, полученные в результате разбоя, оказались слишком серьезными… если была сильная кровопотеря… если он очень долго находился без помощи… об этом взахлеб, хотя и с налетом осторожной озабоченности, говорили ведущие всех новостных каналов.

Неожиданный виток интрига получила после того, как на парковке одного из московских ночных заведений был обнаружен тот самый мерседес, который, как выяснилось, все это время здесь и находился. Владельцы клуба не знали точно, кому он принадлежит, но не имели ничего против его пребывания у них на стоянке, понимая, что хозяин, скорее всего, один из их вип-посетителей.

В интернете и на телеэкранах замелькали интервью с приятелями художника, которых видели с ним в *тот* вечер. По их словам, они, как обычно, сидели внизу, в баре. Потом Даниэль сказал, что ждет звонка, «а здесь плохо ловит и не слышно ни черта». Он сказал «Скоро вернусь». Кто-то спросил «Когда?» Он ответил «Через полчаса, а скорее всего завтра вечером». Все засмеялись этой шутке. Это было после одиннадцати. Может, начало двенадцатого,

а может, ближе к двенадцати. Они не засекали точное время. К ним он в тот вечер не вернулся, но они и не волновались. Но с тех пор никто из них ничего о нем не знает.

Через десять дней уже ни у кого не оставалось сомнений, что с Даниэлем Баровым что-то случилось. Но что?

Во внеочередном выпуске популярного ток-шоу известный ведущий, кстати, хорошо знакомый с самим Даниэлем Баровым и персонажами многих его портретов, представил публике эксклюзивную информацию, которая могла, возможно, пролить какой-то свет на произошедшее, а если нет, то, по крайней мере, добавить популярности самому ток-шоу и его ведущему. Он сумел разыскать бармена, который угостил Даниэля в тот вечер коктейлем, уборщицу, которая обнаружила недопитый коктейль на одном из столиков в галерее, а главное – девушку Ксюшу, которая рассказала о своем знакомстве с художником, о его предложении написать ее портрет, о том, как она побежала предупреждать своих друзей, ну и так далее.

– А как ты оказалась в этом клубе? Ты часто там бываешь?

– Нет, что вы! Первый раз. Нас провел Дэн, то есть он как бы давно обещал, мы живем… ну как бы в одном дворе, а он работает на телевидении…

– Так, понятно. Значит, ты сказала, что Даниэль Баров предложил тебе поехать к нему?

– Да. Если бы я знала, что так получится, я бы ни за что не ушла. Тем более, что он мне говорил – не надо никого предупреждать. Потом скажешь, что я тебя выкрал.

– Но ты все же пошла?

– Да.

– Внимание на экран. Послушаем, что говорят друзья Ксюши, которые были с ней в тот вечер.

«Она прибежала… а-а… как бы сама не своя, да? И сказала… что ее… ну то есть… а-а… как бы пригласил известный художник… да?… а-а… ну как бы… написать ее портрет… как бы… то есть… и она еще сказала… а-а… – ну все, я пошла…»

«…она …а-а… так скажем… а-а… волновалась, так скажем… а-а-а… Понимаете, а-а… Даниэль Баров…он…а-а…так скажем… то есть, там много люд ей… да?… ну, грубо говоря, известных… так скажем, но тут… а-а… как бы…».

– Хорошо, Ксюша, и дальше что было?

– Я вернулась, а его нет нигде.

– А тебя долго не было?

– Он сказал прийти через двадцать минут. Но я раньше пришла. А его уже не было. Я ждала, но…он не вернулся.

– Давайте посмотрим на экран. Ты вот здесь стояла?

– Да, да. А вот здесь он сидел, за этим столиком. И здесь стоял такой., ну… как бы стакан с коктейлем. Но когда я пришла, то коктейль стоял, а его самого не было.

– А что он тебе еще говорил?

– Ну что у меня такая улыбка…

– Так, это понятно. А он говорил, что куда-то собирается, звал с собой?

– Он сказал, что ждет звонка. А потом хотел, чтобы я поехала с ним, и он будет меня рисовать.

– И когда это было, не помнишь? Во сколько?

– Это было…где-то… Может, около двенадцати. Где-то так.

– И что потом?

– Ничего, я вернулась к своим, мы еще немного потусили, но мне уже как бы… ну не очень было весело. Мы недолго там еще пробыли, где-то до трех. Может, даже меньше. Ребята поехали куда-то еще. А я домой поехала.

Исчезновение Даниэля Барова иначе, чем «таинственное», не называли. По факту этого таинственного исчезновения было заведено уголовное дело, которое сразу же перешло в разряд

«висячих». Ничто не взято, не пропало, никаких требований выкупа, никаких звонков, никаких сообщений. Детализация его телефонных разговоров тоже ничего не дала. Было выявлено, что ему действительно звонили в ноль часов восемнадцать минут, разговор длился сорок три секунды, но номер собеседника определить не удалось. Его собственный телефон был недоступен. Опросили его друзей и знакомых, включая женщин, а также Алину и Марину. Никаких следов, никаких ниточек, никаких, даже самых горьких, определенностей. Обращались к экстрасенсам. Их мнения разошлись: двое сказали, что он жив, но находится где-то очень далеко отсюда, другие уверенно заявили, что не видят этого человека среди живых.

Какое-то время в интернете продолжали появляться короткие сообщения о нем, которые не подтверждались и не опровергались. Постепенно тема о пропаже художника была исчерпана для журналистов, поскольку перестала быть новостью для публики. Затянувшаяся загадка уже не будоражила умы, а, скорее, утомляла.

Новые громкие события, прорывая пелену повседневности, взлетали на самый пик рейтинга, а прореха, вызванная исчезновением Барова, сглаживалась и зарастала без следа.

РАУАЛУДМЬРТРЫ

Ему снилось, что он летит над бесконечной зеленой равниной, немного покатой относительно линии горизонта, словно очень пологий склон гигантского холма. Полет был странный – он не чувствовал ни ветра, ни холода, ни скорости, и мог бы подумать, что завис, распластанный в невесомом состоянии на орлиной высоте, и что упасть ему не дает что-то вроде невидимого упругого воздушного надувного матраса. Но судя по некоторым изменениям ландшафта внизу, это все-таки был полет – беззвучный, без единого мышечного усилия, без понимания, куда и зачем. Его несло вместе с облаками, и он безвольно подчинялся этому направлению.

Вдруг он попал в какую-то воздушную воронку. Его начало крутить, и вращение становилось таким стремительным, что у него заломило в висках и подступила тошнота. К тому же, наряду с вращением, он чувствовал, что его тянет вниз какая-то страшная сила, как будто на него накинули петлю, затянули ее повыше пояса, сдавив ребра, и резко дернули вниз. Почти задохнувшись, он попытался ослабить давление ремня – оказалось, что это петля из ремня, но в это время его пронзила невыносимо острая боль в спине, и он закричал во сне так сильно, что проснулся от этого крика. Но открыв глаза, он увидел только кромешную черноту, которая через секунду заполнилась изумительной красоты синими точками. Эти точки подержались, давая собой налюбоваться, но затем стали расплываться, исчезать. И скоро чернота испещрилась другими точками – разноцветными, большей частью красными и золотыми. Скоро все, кроме золотых, исчезли, и эти золотые точки стали слепить глаза. Он зажмурился и опять оказался в кромешной тьме.

Очевидно, он опять уснул, потому что теперь ему снилось, что он уже не летит, а лежит на чем-то прохладном и жестковатом и смотрит в небо, которое стало так недостижимо высоко, что казалось невероятным, что он только что был там, среди облаков, и летел… «Наверно, я упал», – подумалось ему, и эта мысль настолько была разумной, что оказалась на грани сна и пробуждения. По крайней мере, потом он четко помнил, как он подумал это во сне. Вторая мысль, которую он тоже запомнил – как передать на бумаге или холсте эти удивительные цвета, которые ему приснились – эту голубизну неба, зелень равнины, эту тьму с синими точками. Еще одна мысль также звучала в его голове, и он не мог понять – во сне она пришла к нему, или уже совсем наяву – о том, как он будет рассказывать, что эти удивительные краски пришли к нему во сне, когда он летал. Вот он, секрет Шагала, мелькнуло у него. Он просто воплотил свой сон! Но у меня будет свой полет. Ему захотелось скорей в мастерскую, начать работать. Но как только он сделал попытку подняться с постели, его опять пронзила нестерпимая боль в спине, и он со стоном повалился назад. Черт, что это? Где я застудился? Он попытался нащупать столик у кровати. Куда он делся-то? Подождите-ка, а я-то сам где? Я не дома. И не на кровати. А где? Похоже я на полу. На ковре. Но у кого? Господи! Я ничего не помню! Надо кого-то позвать. Но кого? Эй!!! Ау!!! Доброе утро! Я проснулся! «Где она, черт ее дери? Небось, наводит марафет. Чтобы я ее не увидел утром без грима. Да плевать мне на ее грим!» Эй! Солнце мое! Как там тебя!

Даниэль окончательно проснулся, открыл глаза и… ничего не понял. Он лежал на зеленой траве, кругом, насколько хватало взгляда, до самого горизонта, простиралась равнина. Над ним было огромное холодновато-голубое небо, похожее на глаза одной из девушек, встреченных им в кафе на Малой Дмитровке. «У вас удивительные глаза. Я хотел бы написать ваш портрет. Когда вам позвонить?» «Черт, ведь не позвонил! Надо будет обязательно найти ее телефон».

Но где же я? Не понимаю! Что это все значит? – он с неимоверными усилиями, преодолевая острую боль, попытался подняться, но ему не удавалось даже сесть. При этом он чувствовал ломоту в висках, сильное головокружение и тошноту. Он прикрыл глаза рукой, дожидаясь,

пока разболтавшийся вестибулярный аппарат придет в норму. «Ничего себе я вчера набрался! Хотя… я ведь вроде бы ничего не пил… Не помню!»

Несколько раз он снова пытался подняться или хотя бы поменять положение. Но эти попытки были мучительны, спину пронизывало такой острой болью, что он терял сознание и отключался. Потом приходил в себя, и опять начиналось все сначала – попытки подняться на ноги и понять, где он. Ноги его не слушались. Ничего не понимая, измученный и обессиленный, он, наконец, провалился в глубокий сон. Пропустив закат и восход, он проснулся, когда солнце уже было довольно высоко. День, похоже, был более теплый, чем вчерашний. Даниэль чувствовал себя немного бодрее, но когда он попытался встать, опять начались головокружение и тошнота. Да что ж такое, где это видано, чтобы похмелье так долго длилось, раздраженно подумал он. Это прямо отравление какое-то, а не похмелье. Очень хотелось пить. Странно, что не хотелось помочиться. Обычно проснешься – и первым делом бежишь! Подумав об этом, Даниэль вдруг обнаружил, что лежит в мокрых брюках. Что это? Откуда? Мало того, что его дорогостоящие элитные брюки испачканы землей, травой и кое-где продраны. Но он еще и упал в лужу! Он расстегнул молнию, и к своему ужасу увидел, что его мочевой пузырь в это самое мгновение находится в процессе опорожнения. Даниэль потрясенно смотрел, как из него, словно из опрокинутого водочного графина, изливается жидкость. Но ужас был в том, что он сам не почувствовал переполненности, не проконтролировал момент опорожнения и, главное не давал своему мозгу разрешающего сигнала на это. Он ничего не чувствовал! Его мозг потерял контроль над организмом! Даниэль попытался передвинуться, чтобы не лежать в луже, но и это ему не удалось Ноги не слушались и не ощущали влажности. А он не ощущал ног! Даниэль впал в полное оцепенение, как человек, который видит надвигающуюся многотонную волну и тратит последние секунды на то, чтобы не верить своим глазам. На Даниэля такой же волной надвигалось осознание, что это не сон. Не-е-е-ет! – отчаянно закричал он, – не-е-е-е-е-ет! Но… не услышал сам себя! Он закричал еще раз, он открывал рот, он чувствовал свою артикуляцию, но не слышал ни звука. Он оглох!

Даниэль стал звать на помощь, хватаясь за спасительную надежду, что кто-нибудь должен его услышать или… он проснется. На короткие секунды он замолкал, оглядываясь и всматриваясь вдаль. Но помощь не приходила, и это была явь. Не кричать было хуже, чем кричать. И он опять, надрываясь, начинал звать кого-то до потери дыхания, вкладывая в свой крик ярость отчаяния, ярость бессилия и ярость всепоглощающего страха. Так кричат все – и звери, и люди, – за миг до гибели, но не готовые умирать. Наверно, его крик раздавался далеко по равнине, но никого не вспугнул, не насторожил и не разбудил, ни птиц, ни зверей, ни людей. Никто не пришел – даже из любопытства – посмотреть, кто тут кричит. Это была необитаемая, непонятная, бескрайняя, как океан, степь.

Когда Даниэль, наконец, понял, что он совершенно один, оглохший, с парализованными ногами, со страшной болью в спине, посреди неизвестной равнины, на которой он непонятно как он оказался, его охватила паника. Он захлебывался в рыданьях, бил кулаками по траве, по своим бесчувственным ногам, засовывал указательные пальцы в уши так глубоко, словно хотел проткнуть насквозь свою глухоту.

– За что-о-о?! Почему-у-у?! Что это зна-а-ачи-и-ит?! Не хочу-у-у-у!

Через какое-то время Даниэль почувствовал, что надорвал горло. Он перестал кричать и, уткнувшись лицом в траву, горько, зло и безнадежно плакал, подвывая. Плакал, пока не уснул.

Пробуждение принесло новую волну отчаяния. Помимо того, что Даниэль был измучен болью, голоден, от него исходил плохой запах, – он несколько раз уже непроизвольно помочился, – он содрогался от мысли, что в Москве остались в неопределенной незавершенности важнейшие дела, которые требовали его срочных распоряжений, и если эти распоряжения в ближайшее время не будут выполнены, то случится что-то непоправимое, чего нельзя допустить. Почему-то он не мог вспомнить подробно, что именно осталось незавершенным, но он

точно помнил, что это было очень важным для него и для других людей, и невозможность закончить эти дела страшно угнетала его. Внезапно он со всей очевидностью осознал, что даже не может сообщить никому, где он и что с ним, и главное – неизвестно, когда он сможет отсюда выбраться, и сможет ли вообще. Тогда у него случился приступ удушья на нервной почве. С огромным трудом он сумел преодолеть его, вернее, дождаться, пока дыхание не выровняется, поскольку понял, что выбор такой – или он задохнется, или он будет выравнивать дыхание. Подобные астматические спазмы повторялись, как только Даниэль начинал слишком сильно нервничать. Он пытался запретить себе думать. Страх перед удушьем стал сильнее, чем беспокойство о незавершенных делах. Но стоило ему сказать себе «не думай», как мозг предательски вызывал в памяти именно то, о чем нельзя было думать, а ожидание приступа немедленно провоцировало его начало.

Физическое состояние Даниэля становилось все хуже, он слабел, ему уже не хватало сил, чтобы пытаться сесть или немного повернуться. Он лежал, весь мокрый, на примятой и пожухлой под ним траве, не кричал и не звал на помощь, лишь иногда начинал бесслезно плакать, кривя рот, но все чаще впадал в апатию, и уже не плакал, а только постанывал или тихонько скулил. Вскоре он и в самом деле перестал вспоминать о делах, о Москве, похоже, он смирился со своим положением и ни о чем не думал, находясь постоянно в полузабытьи. Иногда он открывал глаза и тускло смотрел на синее небо, на проплывающие облака. Потом глаза его снова закрывались, и он погружался в дремоту. Возможно, он уже приготовился к полному угасанию и покорно ждал, когда это произойдет.

Однажды сквозь матовую, словно запыленную, темноту его полусна вдруг проступило желто-оранжевое пятно. Он с трудом чуть разомкнул веки, и в глаза ему ударил яркий солнечный луч. Он зажмурился, в глазах защипало, как будто в них брызнули апельсином. Но момент столкновения взгляда с солнечным лучом подействовал на него, как разряд тока. Его мозг вдруг ожил, и в голове Даниэля отчетливо сформировалась мысль – «если я здесь умру, никто никогда не узнает об этом». А потом одна за одной последовали другие мысли «А я никогда не узнаю, что же со мной произошло. И если меня не будет, то никто вместо меня не напишет *моих* картин». И наконец, как второй удар тока, его пронзила еще одна мысль «А если я не умру, у меня будет шанс». И завершая этот логический ряд, он решительно понял «я не хочу умирать». Больше он ничего не успел подумать, на мысли ушли забрали все последние остатки сил, и он снова погрузился в глубокий беспамятный сон.

Если бы он не сказал себе этих слов «я не хочу умирать», то скорей всего, ему уже не удалось бы выбраться назад из кромешного вертикального коридора, утягивающего вниз. Он падал бы и падал, пока не достиг бы той границы, откуда, по непроверяемым данным, дальнейший путь дозволен лишь душе. Но яркая вспышка сознания и четкая установка мгновенно изменили заданную программу. Даниэль оказался в темно-черно-синей глубине сна, и что-то держало его, то мягко поднимая, то чуть опуская, и вело по неявным плавным поворотам, отвлекая от тяги ко дну. Это было не забытье, не обморок. Это был настоящий, крепкий, спасительный сон.

Организм Даниэля с жадностью воспользовался этим единственным лекарством, которое могла предложить реальность. Он спал, спал, и казалось, не мог насытиться сном. Время от времени он пробуждался, но очень быстро засыпал снова.

И вот, наконец, настал момент, когда, открыв глаза, Даниэль почувствовал, что готов бодрствовать.

Удивительно устроен человеческий мозг. В условиях выбора «жизнь или смерть» он отключает соображения и эмоции, не относящиеся к инстинкту самосохранения. Выжить во что бы то ни стало или, по крайней мере, использовать все шансы на это – вот смысл этого инстинкта. Разум иногда отказывается от борьбы, и для этого бывают разные причины. Любой вправе сам решать за себя. Но большинство все же говорят разуму – «отстань» и начинают

дорожить каждым глотком воздуха в сдавленных хрипящих легких, и стараются продлить каждый предпоследний миг своей, сведенной до инстинкта, жизни.

Оказавшись перед таким выбором и усмотрев шанс на выживание в том, что гибель все же не состоялась, мозг Даниэля оттеснил на самый дальний план и временно отключил мысли и метания, которые не приводили ни к чему, кроме отчаяния. Даниэль прекратил вспоминать о своем недавнем, успешном и благополучном, существовании, о том, что он считался модным, а некоторые говорили – лучшим художником современности. Он не думал о том, что где-то *там* рушатся налаженные связи, теряются деньги… Все эти мысли были заблокированы. Им не было доступа в отсек сознания, работающий в аварийном режиме и сфокусированный только на «здесь и сейчас». Это вовсе не означало, что Даниэль забыл, кто он и откуда. Он все прекрасно помнил, но сейчас это совершенно не имело значения, потому что выжить ему в данной ситуации было необходимо вне зависимости от прошлого статуса и заслуг. А напрасно травить душу воспоминаниями, не будучи в состоянии что-либо изменить, было занятием крайне вредным, непродуктивным и опасным для душевного и физического здоровья. В его мозгу осталась включенной единственная важная на данный момент опция – выживание в создавшейся экстремальной ситуации, и от решения этой задачи зависело уже все остальное.

Проснувшись с ощущением прилива сил, Даниэль огляделся вокруг и, ужаснувшись своему виду, решил, что надо избавиться от брюк. Сжав зубы, преодолевая боль в спине, он яростно отрывал клочья от сырой, ядовитой, разъедавшей кожу тряпки, которая еще совсем недавно была дорогой итальянской тканью.

Кое-как справившись с этой нелегкой работой, он захотел передвинуться подальше от места, невольно загаженного им за время лежания. Опираясь о землю локтями, Даниэль попробовал подтянуть нижнюю часть туловища. Но у него ничего не получилось. Он подумал, что, наверное, лучше перевернуться на живот. Это стоило ему неимоверных усилий, не говоря уже о преодолении боли в спине. Отдохнув, он снова, после долгих упорных попыток, перекатился на спину. Потом опять на живот. Проделав это еще пару раз, он оказался примерно в полутора метрах от старого места. Под собой он чувствовал приятную, прохладную, как чистая простыня, траву. Даниэль безумно устал. Он лежал неподвижно какое-то время, стараясь накопить побольше слюны. Затем стал рвать траву и обтирать себя ею. С помощью слюны и травяного сока он освежил все тело, лицо и шею. Приятно было чувствовать запах травы, исходящий от собственных рук. Обессилев от действия, он снова уснул и проснулся от того, что затекла спина. Он уже отработанным методом перевернулся на живот и вдруг увидел прямо перед собой цветок, похожий на клевер. Наверно это и был клевер, только крупнее обычного. Даниэль отщипнул несколько розовых соцветий и попробовал их на вкус. Сладковатые! Точно, клевер! Только сейчас Даниэль осознал, насколько он голоден. Это был голод такой же звериной силы, как днями раньше – сон. Проснувшийся аппетит – хороший признак. Утоление голода – второе после сна природное лекарственное средство.

Даниэль стал жадно высасывать сок из спелой шапочки цветка. Потом он заметил другой такой же цветок и потянулся к нему, затем к третьему, четвертому. Но для утоления жажды и голода ему надо было целое поле клевера. И тут Даниэль, словно внезапно прозрев, обнаружил, что он как раз и находится на таком поле. То, что ему казалось сплошным зеленым покровом, при ближайшем рассмотрении оказалось довольно пестрым. Тут были помимо клевера, синие, лиловые, желтые, белые цветочки, какие-то дикие колосья, высокие стебли конского щавеля, и множество незнакомых трав. Но самое главное – клевера было очень много.

Мог ли Даниэль когда-нибудь подумать, что именно этот неприметный цветок сыграет решающую роль в его жизни, а проще говоря, спасет его?

Когда все ближайшие шапочки клевера были уже до дна выпотрошены и испиты, перед Даниэлем встала проблема – как добраться до тех цветков, которые росли на расстоянии? Голод и жажда побуждали Даниэля к новым попыткам передвижения. Он вспоминал один из своих

любимых фильмов, где героиня смогла усилием воли победить паралич обеих ног и полностью восстановить их двигательную функцию. Конечно, то был фильм, а у него – реальная жизнь (или это все-таки сон?) Но, так или иначе, иного выхода он не видел – он должен преодолеть свою немощь и заставить ноги двигаться. Он убедился, что позвоночник не сломан, поскольку боли в спине стали не такими острыми, а значит – есть вероятность, что ему удастся победить свои ноги. Даниэль изо всех сил приказывал ногам шевелиться, но пока безуспешно.

Зато он наловчился перемещаться с помощью рук на несколько десятков сантиметров, подтягивая неподвижную нижнюю часть тела. Это было огромное достижение, так как позволяло ему примерно в три-четыре захода преодолевать метровое расстояние до ближайших зарослей клевера и затем какое-то время оставаться на этом месте и «пастись», как он сам называл это с горькой усмешкой.

Метр за метром, сон за сном – проходило время. Даниэль не мог определить, как долго он находится здесь. Часы на его руке застыли, возможно, кончилась батарейка. Он не выбрасывал их потому, что все же не терял надежды когда-нибудь вернуться в те места, где заменить батарейку так же просто, как здесь в степи сорвать клеверную головку. И потом, *такие* часы не выбрасывают…

Однажды ему пришло в голову, что земля на равнине не выглядела пересохшей, а зелень – пыльной и вялой. Значит, тут должны быть какие-то подземные источники, питающие почву. И дожди тоже должны случаться. «Странно, что ни разу не было дождя». Словно в ответ на его мысли в эту же ночь пошел дождь. Даниэлю приснилось, что он принимает душ, и проснувшись, он обнаружил, что лежит под дождем. Дождь был летний, не холодный. И к счастью, сильный. Даниэль набирал дождь в сложенные корзинкой ладони, пил с наслаждением, подставлял струям грудь, живот, ноги. Он очень жалел, что не может запасти хоть немного воды. Вырыв руками в земле небольшую ямку, он выложил ее дно крупными листьями, но запас продержался лишь несколько минут. Земля быстро впитала в себя всю воду.

Дождь продолжался, наверное, час, а может, больше. Когда он прекратился, Даниэль почувствовал некоторую усталость – слишком много энергии он потратил на радость дождю. Даниэль лежал весь мокрый на мокрой земле в зарослях мокрой травы. И хотя было тепло, и дождь тоже был теплый, но его пробил небольшой озноб. Даниэль подумал, что сейчас было бы прекрасно обтереться сухим полотенцем и надеть на себя сухую рубашку и брюки. И вообще хорошо было бы оказаться где-нибудь под навесом около огня или прогретого солнцем камня. Он так явно представил себе, что сидит, прислонившись спиной к теплому камню, что и в самом деле немного согрелся. Потом ему пришло в голову – а если бы дождь был осенний? – и тут же руки его похолодели и по спине побежали мурашки. Даниэль попытался сделать несколько гимнастических упражнений – взмах руками вверх, вниз, в стороны, – но резкая боль в спине напомнила о себе, и ему пришлось отказаться от мысли согреться подобным образом. Он пытался опять представить себе теплый камень, но не получалось. Тогда он стал думать об огне. Он сказал себе – я сижу у огня, и мне горячо. Мне так горячо, что я даже немного отодвигаюсь. Он повторял это, стараясь изо всех сил призвать ощущение согретости, но его ступни и ладони оставались холодными. И от них холод распространялся по всему телу. После того, как он пару раз чихнул, Даниэль понял, что у него есть единственный способ согреться – движение. Надо двигаться. Еще не хватало простудиться здесь. И он пополз. Ему было все равно, куда ползти. Он даже не мог сообразить – ползет он от того места, где он был раньше или опять к нему. Поэтому он полз без всякого направления, ни вперед, ни назад. Полз как ползется. Главное, он двигался. Движение давалось с трудом. Хотя значительно легче по сравнению с первыми попытками. Он опять был весь в мокрой земле и траве. Но что можно было сделать? Зато постепенно он действительно стал согреваться. И хотя усталость давала себя знать, он не позволял себе останавливаться. «Сейчас немного подтянусь. Потом еще продви-

нусь немного. Опять подтянусь. Вот так. Еще раз. И теперь можно отдохнуть. А потом еще три захода. Или четыре».

Ночь, наконец, закончилась, а с ней ушла и прохлада. Солнечные лучи пригревали достаточно сильно, и теперь свежесть травы была даже приятна. Даниэль лежал на животе, уткнувшись лицом в руки и отдыхал. Вокруг росло много клевера, и он решил, что пока можно никуда отсюда не двигаться. Он не спал, а смотрел на землю, которая буквально была у него перед глазами. Вряд ли он в своей жизни когда-нибудь был так близок к земле, подумалось ему. Он рассматривал невзрачные белые цветочки, которые в большом количестве можно увидеть везде – на любой поляне, обочине и косогоре. Но здесь они были значительно больше, как если б кто-то кликнул «увеличить изображение». Белый цветок, абсолютно неприметный. Оказалось, он состоит из множества крохотных соцветий – пять лепестков вокруг желтоватой серединки, и таких соцветий около двадцати или больше, и все вместе они образуют что-то вроде зонтика. Но до чего же хорош каждый миниатюрный цветок в отдельности! Как природа достигает такого совершенства? Ведь минимум красок – белые маленькие лепестки и крошечная серединка – но это настоящий шедевр, а ведь никто даже не смотрит, не замечает. Подарить такой цветок женщине – не поймет. Не простит. Оскорбится на всю жизнь. Решит – издевка. А сделай такое ювелир, все скажут – тончайшая работа!

Даниэль перевел взгляд на другое растение. Оно тоже показалось ему удивительно гармоничным. Оно было похоже на маленькое дерево, а от тонкого, но плотного стволика отходили ветки, на которых в шахматном порядке росли тонкие веточки. Каждая веточка завершалась тремя овальными листками, темными, в светло-зеленых прожилках. В самой верхушке растения уже виднелась завязь будущего маленького трехлистничка. И у Даниэля, наряду с восхищением, мелькнула мысль – а съедобное ли оно? Ему захотелось немного разнообразить свое клеверное меню. Он потянулся сорвать трехлистник, как вдруг увидел на одном из них довольно крупную тлю. Она уже испортила несколько соседних листов и теперь устроилась на следующем.

Даниэль отпрянул с отвращением. Он чуть было не отправил в рот листок с тлей! Хотя, наверно, это было бы справедливо – уничтожить таким образом тлю, мысленно усмехнулся он. Но вторая мысль заставила его задуматься – я и сам наподобие тли – я ведь хотел сделать то же самое. Правда, мне нужно просто утолить голод. Хотя…и ей тоже. С другой стороны, я не стал бы рвать лист, если бы был сыт. А тля питается без конца. Сколько листов она уже уничтожила! Но опять же, для утоления моего голода я бы за один раз сорвал листиков больше, чем эта тля за неделю. Но чья жизнь ценнее? Моя или ее? Моя, конечно. Я человек. Я художник. Я создатель ценностей. А она кто? Паразит. Но все же, если не знать, кто я… мы чем-то похожи…

Под эти философские размышления Даниэль незаметно для себя задремал.

Открыв глаза, он увидел, что по его предплечью по направлению к ладони ползет червячок землемерка. Вообще Даниэль с брезгливостью относился к ползающим членистоногим. Но сейчас он даже с некоторым любопытством наблюдал, как червячок ползет, преодолевая препятствия в виде волосков, покрывающих руку Даниэля от локтя до запястья.

Червячок проделывал удивительные движения: его хвостовая часть словно пыталась соединиться с головной, изгибая при этом туловище дугообразно. Как только это удавалось, головная часть резко выдвигалась вперед, заставляя хвостовую догонять себя, и так без конца. Даниэль отметил, что червячок двигался вполне резво, и подумал, что это, наверное, лучший способ для передвижения ползком Ему пришло в голову – а не попробовать ли самому так ползти. Если бы удалось стать на четвереньки с упором на колени, то потом надо было бы каким-то образом подтянуть колени к груди. Потом аккуратный, не резкий рывок вперед на длину вытянутых рук, и опять подтянуть колени к груди. И он решил – да, попробую.

Но все оказалось не так просто, ведь мышцы его «хвостовой части» не могли самостоятельно сокращаться. Они были парализованы или, по крайней мере, временно обездвижены.

Несмотря на понятный и совсем несложный механизм передвижения землемерки, Даниэль устал чуть ли не до потери сознания. Ему несколько раз удавалось поставить себя на четвереньки, но при малейшей попытке подтянуть колени к груди он заваливался на бок, и ему стоило огромных усилий опять перевернуться на живот. Наконец, он отказался от нововведения, и прополз полметра по-старому, на руках. Это показалось легким и каким-то родным, привычным делом. «Если бы я мог согнуть их в коленях!» – с досадой подумал он. Но тут же сам себе возразил – если бы я смог согнуть их в коленях, я бы встал. Но я не могу! И он так явственно осознал свое бедственное положение, словно увидел себя со стороны – жалкого, грязного, беспомощного, полупарализованного, абсолютного одинокого, ползающего «аки червь» по какой-то совершенно неизвестной местности, в которой он непонятно как очутился. Даниэль почувствовал, что отчаяние опять охватывает его. Он лежал на спине, обессиленный своими попытками усовершенствовать способ передвижения, и горестно думал: «За что мне это наказание, за что? Что я такого сделал? Кого я обидел? «Аки червь»! Я даже как червь не могу! Я ничего не могу! Я не знаю, что мне делать. Я не знаю…И никого, никого, кто бы мог мне помочь…»

Даниэль опять забылся сном, и на этот раз ему даже что-то снилось, потому что, проснувшись, он не сразу сообразил, где он. Но потом понял и застонал – сон и явь словно поменялись местами: его прежняя жизнь, приятели, работа, успех и комфорт – все это было сном. А то, что должно называться ночным кошмаром, – стало явью. И в этой яви он был один. И рассчитывать было не на кого и не на что.

Даниэль попытался представить мысленно своих друзей. Ему никак не удавалось придумать, как бы они могли ему помочь в его нынешнем положении. «Подожди, мы сейчас вызовем врача…» Но откуда? Тут же пустынная равнина. «Надо соорудить носилки». Из чего? Тут не растет ни одного дерева. «Надо его вымыть». Но где? Под дождем? Тут же нет никакого человеческого жилья. Тут даже берлог и нор нет. С другой стороны, они же не пешком сюда явятся. А на машине. Но как бы они его нашли? Ведь у него нет ни телефона, ни навигатора. Даже спичек нет, чтобы разжечь костер. Да и из чего костер-то? Неважно, допустим, искали бы, искали, и нашли бы, наконец. Вот они грузят его в машину. Но куда ехать? В какую сторону? Ладно, раз добрались сюда, то и обратно смогут вернуться. Вот он уже на каталке в приемном покое какой-то больницы, укрытый одеялом. Кто-то из медперсонала говорит его приятелям – все, мы его увозим, можете идти. Пока мы ничего не можем сказать, нужно обследование. Позвоните завтра.

Они уходят. И Даниэль совершенно отчетливо представил себе как они, став героями дня – спасителями знаменитого художника, дают интервью всем каналам и рассказывают всем общим знакомым – мы нашли его в ужасном состоянии. Мы его не узнали сразу. Подумали, что какой-то полубезумный бомж. Худой изможденный. Заросший. Весь в земле, траве, дерьме. Голый. С какими-то лохмотьями вокруг пояса. Ноги парализованы, он передвигался ползком и питался какими-то травами. Мы его спрашивали, что случилось, но он ничего не слышит, похоже, оглох или контужен. В общем, мы отвезли его в больницу. Сейчас врачи его обследуют, и после этого что-нибудь прояснится.

Даниэль сжал кулаки. Нет, я этого не позволю. Вы меня таким не увидите. Ни за что. Я все-таки жив. Я сам когда-нибудь расскажу о том, что мне пришлось пережить, но я уже буду в форме. Я буду в силе, я буду ходить…

Даниэль вспомнил, что последнее время он как-то слабо занимался своими ногами. Сначала он приказывал своим ногам двигаться. Но результата не было. Он кричал – двигайтесь, шевелитесь, чертовы ноги! Он посылал им сильнейший импульс, от которого раскалялся его мозг – двигайтесь! Но ничего не помогало. Сейчас Даниэль подумал, что он неправильно себя вел. Ноги не чувствовали в нем хозяина, которого они должны слушаться. Так иногда вырвавшаяся из ошейника собака не подчиняется истерическим выкрикам – а ну иди сюда, иди ко мне, я сказал! Но услышав спокойно-грозный приказ «ко мне», с виноватым видом подходит и

покорно ждет заслуженного наказания. Так и в этом случае – Даниэль кричал, просил, молил, требовал, но это не был приказ хозяина. Мозг потерял контроль над своими подчиненными – нервными окончаниями ног, а они чувствовали его слабость и нагло отказывались выполнять его требования.

Он посмотрел на свои неподвижные и бесчувственные голени, икры, ступни.

«Вы будете шевелиться и чувствовать. Вы будете стоять, ходить и бегать. Вы будете, понятно?»

И затем, немного смягчив тон, но так же уверенно, добавил:

«Вы сможете, мы вместе этого добьемся».

Поговорив так со своими ногами, Даниэль усмехнулся – вот бы кто-то из друзей сейчас это видел! «Он парализован, оглох и, похоже, немного спятил – он разговаривает со своими ногами».

Но никто его не видел, не слышал, и слышать было некому. Даже единственное живое существо – землемерка давно скрылась в густой траве.

* * *

Прошло еще несколько восходов и несколько закатов. Пара дождей. Наверное, если бы кто-то смотрел сверху, он мог бы по примятому травяному следу определить, какое расстояние преодолел Даниэль за это время. Внимательный следопыт также отметил бы объеденные головки клевера. Даниэль уже не мог смотреть на клевер, у него даже болел живот. Один раз он пытался жевать что-то похожее на дикий щавель, но трава оказалась не кислой а горькой, и Даниэль испугался, что она могла быть ядовитой. Несколько раз ему встретился белый клевер, но его соцветия были абсолютно безвкусными. Даниэль решил, что в его положении нельзя капризничать – спасибо клеверу за то, что он есть, что его много и что он, безусловно, не отрава.

Однажды, когда Даниэль совершал очередное передвижение на новое «пастбище», он почувствовал резкий укол. От неожиданности он охнул и, перевернувшись с живота на спину, с усилием сел, чтобы посмотреть, что его укололо. У него на ногах уже были царапины, оставшиеся после прежних «переползок». Сейчас на правой ноге чуть выше лодыжки выступила капля крови. По привычке, оставшейся с далекого детства, он поискал подорожник, но не нашел. Он сорвал какой-то округлый лист и приклеил его слюной к месту укола. Подождав немного, он перевернулся на живот, чтобы ползти дальше. Но не сделав и пары рывков, он снова почувствовал боль от укола.

Что за черт!

Он опять проделал сложную процедуру переворота на спину и усевшись, обнаружил вторую каплю крови. Тогда он провел рукой по траве и нащупал стелящееся по земле неизвестное ему растение с шипами. Он снова сорвал лист, послюнил и приложил к уколотому месту. Ему показалось, что второй укол был больнее первого, а может быть, шип глубже вонзился в ногу. Через несколько минут обе ранки начали пульсировать, особенно вторая.

«Ну что за напасть!» – в сердцах воскликнул Даниэль. – «Чертов вьюн! Откуда он тут взялся?»

Тут ему пришло в голову, что на этой равнине он может напороться и на другие неприятные неожиданности. Мало ли какие растения тут растут! Он вторгся на их территорию, ползет, приминает. Вот они и оказывают сопротивление пришельцу.

Интересно, а змеи тут случайно не водятся? Не хотелось бы вот так прижать спящую змею…

Места вокруг уколов покраснели и опухли. Возможно, в этих шипах была какая-то ядовитая пакость.

«Это похоже на укус пчелы или осы», – подумал Даниэль. – «Тогда это должно скоро пройти. Вроде у меня никогда не было аллергии на пчелиный яд».

Он стал рассматривать опухшие места.

– Только бы не занести туда грязь. Если загноится…

Он пощупал ноги выше и ниже припухлостей. Это было довольно болезненно.

Он попробовал, преодолевая боль выдавить яд пальцами. Из «укуса» засочилась какая-то прозрачная жидкость. Он продолжал давить, но у него очень заболела спина, так как ему пришлось согнуться почти пополам. Даниэль выпрямился, выровнял дыхание.

«Ну что делать-то? Ладно, спокойно. Посижу, поотдыхаю. торопиться некуда».

Он сел, чуть откинувшись назад и опираясь на руки. Плохо было то, что не к чему было прислониться – ни стены, ни дерева. Спина быстро уставала без опоры.

Яд между тем продолжал действовать. Уже не только место укола, но вся нога пульсировала и горела изнутри, хотя боль вроде бы стала меньше. Он дотронулся до ноги ниже колена и явно ощутил разницу температур. Рука показалась прохладной на пышущей жаром ноге.

И в это самое мгновение его вдруг осенило – нога обрела чувствительность! Боль, жар, сам момент укола! Это были ощущения живого тела! Он так заволновался, что даже заболела голова. Он боялся верить самому себе, он боялся, что как только кончится действие этой случайной инъекции, нога опять омертвеет. Даниэль осторожно выдохнул и снова легонько прикоснулся к ноге. Да, он чувствовал прикосновение, чувствовал свои пальцы. Он попробовал нажать посильнее – и ощутил это нажатие. Даниэль сорвал растущий рядом колосок и провел им по ноге, потом по руке. Одинаковое ощущение легкого щекочущего касания! Он вспомнил свои «разговоры с ногами» и снова обратился к ним: «Молодцы, ноги! Молодцы, мои дорогие! Хорошо. Все правильно. Давайте дальше! Все получится!».

Через несколько часов жар в ноге стал спадать, отек от укола тоже. Нога стала нормальной температуры, и к счастью, опасения Даниэля не оправдались. Обретенная чувствительность не пропала. Уже была очевидна разница между правой «живой» и левой «мертвой» ногой. Даниэль решил подвергнуть испытанию левую ногу. Он снова нащупал незаметный, словно прячущийся между травами стебель с чудодейственными колючками и уже чуть было не отломил от него кусочек. Но что-то внутри него забило тревогу, и он среагировал на этот сигнал, а затем, с опозданием на мгновение, понял его значение – не ломай! Испугавшись, что он чуть было не совершил непоправимую ошибку, он обратился к растению – «Прости, прости, пожалуйста, за бездумность! Я идиот! Но я не хотел тебе зла! Это правда!» Где-то в глубине подсознания опять мелькнула мысль – «слышали бы меня сейчас знакомые!», но он прихлопнул эту мысль, как комара или моль. «Растения живут в своем мире, а мы в своем. Эти миры рядом, они соприкасаются и взаимодействуют. И если кто-то из мира растений приходит на помощь кому-то из мира людей, то нет ничего необычного в выражении благодарности за это. И нет ничего смешного в том, что я просил растение, помогшее мне, простить меня за то, что я чуть не нанес ему вред». Даниэль не знал, вслух ли он произнес эту тираду или мысленно. Но он сформулировал для себя самого нечто новое, но настолько очевидное, что ему было удивительно, как он не задумывался об этом раньше. Он понял, что как бы чудаковато это ни выглядело со стороны, но никогда больше он не сможет сломать ветку, сорвать лист или цветок, не извинившись мысленно перед *ними* и не объяснив *им,* для чего это нужно.

* * *

Через два дня обе ноги Даниэля одинаково воспринимали тепло, холод, прикосновения, нажатия и легкие похлопыванья. Интересно, что на первый укол шипа левая нога никак не отреагировала, а вот второй был болезненный, но все же менее, чем на правой. Даниэль поколебался, боясь переборщить, но потом все-таки уколол ногу третьим шипом. И повторилось

все, что он уже испытал – боль, отек, жар, восстановление чувствительности. Потом Даниэль понял, что очевидно царапины на правой ноге как раз и были следом воздействия первого шипа, которое он не почувствовал.

Даниэль внимательно рассматривал спасительное растение, стараясь запомнить строение листьев, вид стебля, цвет и форму колючек. Он ни разу нигде не встречал что-либо подобное. Впрочем, нельзя сказать, чтобы он когда-нибудь сильно интересовался ботаникой, но если б встретил – наверняка запомнил бы. Стебель растения был довольно тонкий, миллиметра три-четыре в диаметре, но не травянистый, а крепкий, как ветка дерева или лоза, и при этом шершавистый, плотно покрытый жесткими чешуйками, напоминая чем-то устройство еловых шишек. «Надежная защита от повреждения. Конечно, если слон наступит, то…» Но для этого и были, наверное, предусмотрены шипы. Таких шипов Даниэль тоже никогда не видел. Они ничего общего не имели с благородными шипами роз или комариными занозочками избалованных пушистых домашних кактусов. Не походили они и на воинственные острые иглы, которыми топорщилось растение, подаренное Даниэлю одним австралийцем – оно, наряду с иглами, обладало продолговатыми ярко-зелеными листьями и красивыми пурпурно-оранжевыми цветками. После пересадки австралийского подарка в более просторный горшок, приходящая горничная Даниэля выглядела так, как будто насильно удерживала на руках дикую кошку.

Растение, которое сейчас разглядывал Даниэль, имело шипы весьма необычной формы. Они чем-то походили на когти хищной птицы. В спокойном состоянии они были прижаты к чешуйкам, покрывавшим стебель, и практически незаметны, но при давлении на стебель и его деформации, например, изгибе, «когти», как на пружинках откидывались от стебля и впивались в виновника деформации. Очевидно, в этот момент в него впрыскивалась капля ядовитого сока, то есть, идея защитного механизма растения была в чем-то такой же, как у пчел, ос и других жалящих насекомых. Судя по тому, что шипы, уколовшие Даниэля, так и остались торчать и не вернулись на место, не прижались опять к стеблю, можно было сделать вывод, что они однократного действия и больше уже не пригодятся растению, а, следовательно, скоро отпадут. Возможно, на их месте вырастут новые, а возможно и нет – у растения остается достаточно средств для самозащиты. Даниэль осторожно разглядывал один из «сработавших» шипов, который неожиданно легко извлекся из-под чешуйки. Это почему-то напомнило Даниэлю, как в детстве он почти без усилий вытащил у себя два молочных зуба, предварительно как следует расшатав их языком. Нижняя часть «когтя» и вправду была похожа на детский молочный зуб, только черного цвета. В основании шипа, там, где он крепился к стеблю, было некоторое углубление, в центре которого можно было разглядеть крохотное сквозное отверстие, словно проделанное шилом. На самом деле это было входным отверстием полого канальца, проходившего сквозь все тело шипа и заканчивавшегося в его острие, которое имело косой срез, как у медицинской иглы. Изначально шип был насажен на прозрачный стерженек, заполненный ядовитым соком стебля. Когда на стебель кто-то надавливал, стерженек лопался – и шип под воздействием сока, стремительно заполнившего каналец, выстреливал и впивался в «обидчика». Так что укол шипом с полным правом можно было назвать инъекцией. Даниэль первый раз в жизни пытался так подробно разобраться в устройстве растения. «Эх, жаль, что мне нечем и не на чем зарисовать этот коготь!»

«Кстати!» – внезапно подумал он, – «а почему при мне нет ни карандаша, ни бумаги? Где мои краски? Где все это? Куда все делось? Странно…Где я, вообще, черт побери?!»

Он огляделся – везде, насколько хватало глаз, простиралась равнина.

«Ах, ну да. Я здесь, и это не сон. Но где я?»

Он потянулся и сорвал несколько головок клевера. «Прости, друг, но я устал и голоден. И никто, кроме тебя, мне не поможет».

Подкрепившись и немного подремав, Даниэль продолжил свое знакомство с растением.

«Так, со стеблем мы разобрались. А что у нас с листьями?»

Листья у этого растения тоже были не совсем обычные. Их длинные черенки были скручены, как старый телефонный шнур, и невозможно было определить, как и где они прикреплялись к стеблю. (Даниэль опасался чересчур настойчиво проявлять исследовательскую любознательность, чтобы не заработать еще несколько «инъекций», которые неизвестно чем закончатся.) Сами листы были небольшие, округлые, плотные, сочные и мясистые. Даниэль подумал, что они напоминают кошачьи лапы.

«Кот гулял после дождя. На мокрой размягченной земле оставались вмятинки его следов. Там же неподалеку тянулась лиана, похожая на длинный голый корень или змею, которая притворилась корнем. Этой лиане нужно было очень много воды, но она не могла собственными короткими корешками добывать воду из глубины. Поэтому она питалась соками соседних растений. Со временем растения раскусили характер лианы и сошлись такой плотной стеной, что лиана никак не могла прикрепиться к кому-нибудь. Ей пришлось виться по обочине и самой добывать себе воду. Однажды, после очередного дождя вся вода уже испарилась или просочилась глубоко под землю. И только во вмятинках от кошачьих следов еще стояли лужицы. Лиана потянулась к ним и расположилась ровно по центру, чтобы следы правых и левых лап были одинаково доступны. Со временем от стебля лианы по направлению к каждому следу протянулся пружинистый отросточек, чтобы по нему вода могла поступать прямо в стебель, подобно тому, как мы пьем сок через соломинку. А спустя еще какое-то время на отросточках появились плотные сочные листья, заполнившие вмятинки и принявшие их форму. С тех пор лиане уже можно было не особенно беспокоиться о воде, потому что листочки обеспечивали ей необходимый запас. Лиана перестала быть опасной для соседних растений, поскольку не нуждалась в их соке, и теперь могла тянуться везде, где ей хотелось. Но она хорошо знала, какие опасности существуют для честных растений, и обзавелась шипами, которые охраняли ее от разбойных нападений. Вот такая история, ребятки. Понравилось вам? – Да-а-а! Понравилось! – А вы, Мария Пална, кажется, хотите задать вопрос? – Да, я вот не очень поняла – а какая мораль у этой сказки? – Мораль? Действительно, насчет морали… Хм…я сам еще с моралью не совсем разобрался…тут как-то неоднозначно все получается…ну, что поделать? Такая вот сказочка…»

Даниэль рассмеялся, закончив неожиданный для себя мысленный диалог.

«Да, еще немного, и я действительно свихнусь. Но листик все-таки очень похож на кошачью лапу».

«Эх, как там моя Карума поживает», – вдруг вспомнил он кошку редкой полудикой породы, похожую на гладкошерстную рысь, которая прожив три года в доме его приятеля-сценариста, не признавала никого, даже хозяйку дома, которая ее кормила. И к всеобщему изумлению эта Карума однажды вдруг сама прыгнула к Даниэлю на колени и, повертевшись, уютно устроилась, положив мордочку ему на сгиб локтя. Даниэль был счастлив от такого явного предпочтения, оказанного ему дикой грациозной красавицей, но когда он захотел сменить позу и положить ногу на ногу, он тут же почувствовал, как ее когти легко вошли в мякоть его бедра. Он расхохотался, несмотря на боль, и сказал «Нет, дорогая, так не пойдет». И аккуратно приподняв ее лапы, сел поудобнее. И она подчинилась, что еще больше потрясло публику. Об этом случае хозяин дома рассказывал всем своим гостям, и Даниэль, когда бывал у него дома, всегда подкреплял легенду явью – кошка шла к нему на руки, ложилась на колени и даже позволяла себя немного погладить, но… совсем немного. Даниэль никогда не позволял себе фамильярностей по отношению к ней, и она это ценила. «Не советую никому пробовать повторить этот трюк», обычно говорил хозяин, но никто и не пытался – слишком выразителен был кошачий взгляд…

Даниэль провел пальцем по нижней, «изнаночной» стороне листа, покрытой бархатистым ворсом.

«Ах ты, моя лапочка кошачья», – мысленно произнес он и пощекотал мясистую «подушечку» листа.

И в то же мгновенье в руку его впилось несколько «когтей», молниеносно выскочивших из невидимых под ворсом складок.

«Вот черт! Ну точно, кошачья лапа!» – Даниэль осторожно извлек шипы, но кожа уже начала гореть и зудеть.

«Ладно. Что-то я притомился от всей этой ботаники. Полежу-ка я, подумаю».

Даниэль растянулся в зарослях клевера, раскинув руки. Прохладная свежесть травы облегчала неприятные последствия уколов. Но Даниэль в этот раз не беспокоился о воздействии ядовитых инъекций. Возможно, яд был не такой сильный, или организм уже выработал противоядие, но так или иначе Даниэль расслабленно лежал на спине глядел в синее, почти безоблачное небо и пытался думать. У него было странное состояние – он понимал, что ему надо думать и есть о чем думать, но почему-то не получалось сосредоточиться. Он не мог зацепиться за что-то, что позволило бы ему выстроить единую сплошную нить рассуждений и наматывать ее как клубок на какую-то основу. Как только он напрягал мозг, его охватывала истома, усталость и он впадал, как в невесомость, в глубокое забытье. Все увиденное им во сне исчезало сразу же в момент пробуждения, оставляя лишь смутное беспокойное воспоминание о чем-то ярком. Так и в этот раз, раскинувшись на траве, Даниэль сказал себе «надо подумать», но отключился от реальности, не успев поймать момент перехода в четвертое, пятое или какое-то, еще не посчитанное измерение.

Ему приснился оглушительный гул, в котором солировал монотонный назойливый зудящий и гудящий звук. Казалось, что кто-то хочет просверлить ему лоб, и от близости этой угрозы Даниэль схватился за голову и проснулся. Он именно так и проснулся – сжимая обеими ладонями лоб, который вот-вот готов был взорваться от распирающего его гуда. Поняв, что уже не спит, Даниэль перевел дыхание, но ужасный звук не прекратился. Он продолжался и после сна. Даниэль прикрыл глаза, сделал несколько глотательных движений, но легче не стало. Тогда Даниэль машинально заткнул уши, чтобы не слышать изнуряющего звука, и как ни странно, это помогло. Звук стал глуше. Даниэль выждал какое-то время и тихонько приоткрыл одно ухо. Гудение опять стало слышнее, но все же не так невыносимо, как сначала. Возможно, Даниэль уже немного привык. Внезапно звук приблизился – возникло ощущение, что он исходит прямо из земли, в изголовье Даниэля. Даниэль повернул голову и замер от изумления: рядом с ним, почти касаясь его щеки, покачивался большеголовый налитой цветок клевера. А над цветком кружил и жужжал огромный шмель. Шмель был действительно огромный, Даниэль никогда не видел ни пчел, ни шмелей подобных размеров – примерно восьми сантиметров длиной, а то и больше, с размахом крылышек около двадцати сантиметров.

Страшно было представить, какое же у него жало!

Шмель кружился над цветком клевера, не обращая внимания на Даниэля, который боялся нечаянным неосторожным движением вызвать его неудовольствие. Время от времени шмель перелетал на другие цветки, находившиеся в радиусе одного-двух метров, но непременно возвращался к тому крупному и, очевидно самому сочному и сладкому цветку, который рос прямо над ухом Даниэля.

«Да, брат, похоже, у нас с тобой одинаковые вкусы!» – сказал Даниэль и вздрогнул – ему показалось, что эти слова были сказаны не им, а кем-то другим.

«Шмель, шмель, шмель», – произнес Даниэль, – «пчела, пчела, пчела. Огромная пчела. Огромный шмель».

Стереоэффект повторился. Слова, сказанные им, звучали где-то рядом, вне его.

«Что э-то зна-чит, не по-ни-ма-ю», – сказал Даниэль голосом «робота», и вдруг до него дошло: это он сам говорит! Он слышит себя! Это значит – к нему вернулся слух! Даниэль рассмеялся от радости, и смех громко отозвался в его ушах. Ну, конечно! Даниэль уже успел

привыкнуть к своей глухоте и даже как-то приспособиться к ней. Он представлял ее себе, как некую перегородку или стенку из мягкого, вязкого и упругого материала – ну, скажем, типа дрожжевого теста. «Вот оно уже подошло, мама вываливает его из специального глиняного чана на большую деревянную доску, посыпанную мукой. Потом мама месит тесто, уминая его костяшками пальцев». Даниэль всегда любил смотреть, как мама это делает, ему тоже хотелось помесить, но мама не разрешала «у тебя руки грязные». Как-то он улучил момент и потыкал тесто пальцем. Оно было мягкое, вязкое и упругое…» Да, так вот, стенка или перегородка из такого материала типа теста. И любой звук, даже самый тонкий и острый, как иголка, застревает в этой стенке и уже сквозь нее не проходит. Так Даниэль представлял себе глухоту «вообще». Потом он попробовал так же объяснить себе механизм глухоты. Вот берем ухо, наш слуховой аппарат, там есть некая перегородка или перепонка, которая колеблется и вибрирует под действием звуковых волн, и эти вибрации и колебания как раз и помогают нам воспринимать звук, то есть слышать. А если с перепонкой что-то случается – например, она воспаляется, отекает, размягчается и становится примерно такой, как тесто, – то любые, даже очень сильные, штормовые звуковые волны не могут ее поколебать и заставить вибрировать. И мы ничего не слышим. И неважно, откуда исходит звук – извне или от самого человека. Вот человек что-то кричит, звуковые волны от его голоса разносятся кругами, все, кто имеет здоровые перепонки, его слышат. А его собственную разбухшую перепонку эти волны не колышут, не бьются об нее, затухают. Своя речь воспринимается человеком лишь потому, что исходит из его сознания, он ее знает «внутри», так же, как свои мысли, но звучания произносимых слов он не слышит.

«Интересно», – думал Даниэль, – «на самом деле, перепонка при глухоте поглощает волны или они отталкиваются, но теряют при этом полсилы? Да, представляю, как сейчас смеялись бы мои знакомые-технари. Надо было учить физику! Хотя, возражал он себе, что толку сейчас было бы в этом знании? Какая разница, знаю я, почему оглох или нет? От меня ничего не зависит! Он старался отодвигать эти мысли в сторону, чтобы не поддаваться пессимизму и не усугублять свое и без того невеселое настроение.

И вот сейчас, наконец, неожиданно, без всяких лекарств и процедур, само собой случилось излечение от глухоты!

Даниэль проверял свой слух, стараясь распознать – полностью ли вернулась способность слышать. Он то шептал еле слышно «пчела, пчела, пчела, пчела», то кричал изо всех сил – «пчела-а-а! пчела-а-а-а-а!», и каждый раз убеждался – да, слышу! Ему даже показалось, что слух стал острее – он отчетливо слышал шелесты травы, шуршанья, легкий хруст и еще всякие непонятные звуки, свидетельствующие о том, что какая-то жизнь существует совсем рядом. Никогда раньше, *«до того»,* он не замечал этих звуков и не так сильно ценил возможность их различать, и уж меньше всего – находил в этом радость.

А сейчас он так радовался, как, наверное, не радовался с самого детства. За последние тридцать с хвостиком, он никогда не позволял себе бурного проявления эмоций. Когда все гоготали, он усмехался. Когда все чертыхались – он хмурился и молчал. Он создал себе имидж «загадочного и непостижимого художника, обладающего парадоксальным видением сущностей, немного пресыщенного их многообразием, но готового к мгновенному приятию случайности». Так писал о нем один искусствовед, его приятель. Даниэлю всегда было забавно читать многозначительные и замысловато-хвалебные статьи о себе. Забава заключалась не в чрезмерности превосходных степеней – Даниэль не допускал даже мысли о том, что он не заслуживает самых высоких оценок, и ему не претил приторный привкус лести. Ему было смешно, как авторы изощрялись в толковании его творчества, тем самым демонстрируя масштаб своей собственной одаренности. Но как гурман вдруг жадно вдыхает запах картошки с луком из распахнутой обшарпанной форточки полуподвала, или украдкой с наслаждением надкусывает грубо прожаренный пирожок с повидлом, вот так же Даниэлю иногда хотелось исконной естественности человеческих реакций, которые он научился подавлять. В своих интервью Даниэль

часто цитировал хрестоматийную ахматовскую строчку «когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая греха…». Но в устах модного художника она воспринималась как кокетство, хотя на самом деле он таким образом слабо пытался сказать правду о настоящих истоках создания своих полотен.

Сейчас Даниэль праздновал возвращение в мир звуков. Его радость была сильнее всех имиджей и этикетов. Он вообще не подозревал, что способен так радоваться. Он декламировал «по-чуковски» смешные строчки, и сам смеялся своим дурачествам:

Ну и шмель-шмель-шмель!
Ай да шмель-шмель-шмель!
Вот так шмель-шмель-шмель!
Замеча-тель-ный!

Потом он сочинил:

Ты пчела моя, пчела.
Не ужаль ты мне чела.
Не садись ты мне на плешь,
Лучше клевер ешь, ешь.

Даниэль веселился и был счастлив, во-первых, потому, что он снова обрел возможность слышать звуки. Во-вторых, он, наконец, был самим собой, а имидж, как шляпа с перьями, остался где-то в далекой гримерной. Но самое главное – его организм сумел восстановиться, и это означало, что ноги тоже скоро придут в норму.

* * *

Каждый день он часами сидел и гипнотизировал свои ступни «Двигайтесь! Двигайтесь!». Он знал, что это должно произойти, поскольку чувствительность ног восстановилась полностью. Но ему хотелось поскорее встать на ноги, ходить, бегать и вообще – передвигаться по-человечески. Он уже ненавидел свое ползанье – «еще немного – и превращусь в двулапую ящерицу. А ноги отпадут за ненадобностью. И вместо них отрастет хвост крокодилий. И однажды на меня напорется какой-нибудь путешественник или житель ближайшей деревни, и пойдет слух о монстре, проживающем в этих местах. Понаедут исследователи, журналисты, будут пытаться меня выследить и сфотографировать. Они обнаружат следы человеческих…рук! Ха-ха-ха! Но ни одного следа ног или лап. Начнутся ученые споры – это мистификация, фальсификация, розыгрыш, монтаж. «А вы поезжайте и убедитесь сами». И вот снарядят экспедицию с участием сторонников, противников и независимых экспертов. И им действительно удается найти отпечатки рук на земле. А также следы моей жизнедеятельности – вполне человечьи, а также километры примятой травы и объеденный клевер. Кому-то удастся меня заметить и пристрелить… стоп. Такое развитие сюжета меня не устраивает. Или пусть с этого места играет дублер.

Устав от разыгравшейся фантазии и подкрепившись клеверным соком – «интересно, как я держусь столько времени на одном клеверном соке? Я ведь должен был уже истощиться до предела! А я ползаю вполне бодренько, и мозги работают. Даже еще пытаюсь шутить! Странная вещь наш организм!», – Даниэль крепко уснул. И ему приснился эротический сон.

«Он дремлет, раскинувшись на широкой низкой тахте, прикрытый цветным шелковым пледом. Вдруг сквозь сон он ощущает легкий щекочущий холодок, словно кто-то тихонько дует ему в шею. Он, не просыпаясь, хочет поймать этот холодок и дотрагивается до шеи рукой.

Но дуновение ускользает и спускается ниже. Он чувствует его на груди, то слева, то справа. Оно играет и как будто дразнит, но Даниэлю никак не удается его поймать. Потом дуновение прекратилось, и некоторое время Даниэль затаясь, выжидал, что оно появится, и тогда уж он постарается поймать его. Но оно исчезло. Немного разочарованный, Даниэль перестал ждать. И все же ждал. И вот он вновь чувствует что-то, но это уже не ветерок, а легкие касания, легчайшие, как морганье ресниц или крылья мотылька. Он замирает, он рад, что «это» вернулось, и он уже не пытается его ловить, чтобы не спугнуть. Мотылек легонько бьется по его груди, и Даниэль чувствует, как где-то глубоко в нем зарождается томление, словно проснулась и начала томиться одна клеточка, и когда ее томление стало очевидным, проснулась другая. И когда первая уже вовсю полыхала, а вторая входила в раж, проснулась третья, и так медленно, мучительно, сладостно, его спящие клетки пробуждались от сна и вовлекались в одно общее действо. А движения мотылька между тем стали более настойчивыми и не такими воздушными. Это теперь было больше похоже на мягкие, бархатные прикосновения барсучьей кисточкой или кончиком кошачьего хвоста. Они проникли под шелковый плед и закружились вокруг пупка, и круги становились все шире. Даниэль чувствовал, как нарастает возбуждение, но он понимал, что это только начало и лежал не шевелясь. Ему хотелось не пропустить ни одной стадии этого непонятного эротического испытания. Мягкое прикосновение спустилось вниз, и тут началась настоящая сладостная пытка. Он чувствовал, как что-то ласкало и щекотало его напрягшийся член, а когда он пытался чуть двинуться, чтобы ласка попала на самое чувствительное место, «кошачий хвост», словно дразня, спускался еще ниже и начинал там свои щекочущие и скользящие поглаживания. Как только это ощущение становилось максимально приятным, бархатное касание перемещалось дальше, и у него сводило зубы одновременно от острого удовольствия и предвкушения того, что будет, и уже все больше от невозможности сдерживаться. И вот, наконец, он почувствовал, что «это» вернулось к тому месту, где оно было нужнее всего, и начало круговыми ласкающими прикосновениями доводить Даниэля до исступления. Он лежал с закрытыми глазами и постанывал, полностью отдаваясь ощущениям. Но в какой-то момент он приоткрыл веки, чтобы узнать, кто ему доставляет такое наслаждение. Каково же было его изумление, когда он увидел огромную пчелу, – или шмеля? – которая ласкала его своим пушистым брюшком и длинными шелковистыми крылышками. Заметив, что Даниэль смотрит на нее, пчела уставилась на него своими неожиданно голубыми глазами, и он мог бы дать голову на отсечение, что она усмехнулась и подмигнула. Затем она стала усердно работать хоботком и усиками, как будто она сидит на цветке клевера и пьет нектар. При этом она перебирала своими мохнатыми лапками, чтобы удержаться и не соскользнуть, и все это вместе доставляло Даниэлю пронзительное наслаждение, которое вот-вот должно было достигнуть апогея. Он пытался отдалить этот момент, чтобы продлить неописуемые ощущения, но потом перестал сопротивляться самому себе. Он почувствовал, что пчела, перебирая лапками, спускается вниз, как по стволу, тесно прижимаясь к нему пушистым брюшком и щекоча его трепещущими крылышками. Потом она стала взбираться вверх «по стволу», продолжая касаться его крылышками, словно заметая следы. Повторив это упражнение несколько раз, пчела, вновь добравшись до самого верха «ствола», сильно обхватила его лапками, как головку клевера, и помогая себе усиками, сделала несколько тянущих движений хоботком. Даниэль содрогнулся и задергался, словно по нему пропустили ток. Наверное, вулкан во время извержения испытывает такое же всепоглощающее наслаждение. Ему стало горячо дышать, дыхание обжигало гортань. Казалось, он, как дракон, может спалить все, что попадет ему под выдох. Содрогания продолжались, и это было похоже на салют, когда каждый новый залп огней сопровождается криками благодарного ликования. Наконец наслаждение утихло, оставив после себя ощущение восхитительного изнеможения. Даниэль лежал без движения, у него не было сил даже шевельнуть рукой. Он был весь в поту и пару, как будто вышел из сауны. Сердце колотилось как бешеное, но мало-помалу упорядочивало свой ритм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.